

Агриппина Донцова: Вернулась с «ТОГО СВЕТА» и начала писать

ЛЮДИ делятся на тех, кто читает детективы и кто это скрывает. Читатель-сноб сделает вид, что имя Дарьи Донцовой ему не говорит ровным счетом ничего. Она «пляжный» писатель. Ее книги в пестрых обложках редко ставят в первый ряд в книжном шкафу. Но саму Донцову, ставшую «великой детективщицей» только в 45, это ничуть не смущает. Она с энтузиазмом признает, что пишет сказки для взрослых. Да еще лукаво при этом хихикает.

где-то бегают, у меня болят ноги. Когда я пишу, то не знаю, чем все закончится. Я просто аппарат, который все это передает, как радиоприемник. Я выросла в писательском поселке, в Переделкине. Помню, как мы, дети, спрашивали у Катаева: «Дядя Валя, как ты пишешь?» Он отвечал: «Мне кто-то говорит в уши», - а мы

смеялись. Сейчас я его понимаю... Это называется «состояние измененного сознания». Самогипноз. Но я в первое время думала, что у меня просто «крыша поехала», все, метастазы до мозга добрались. Сходят же люди с ума, видят себя двумя личностями...

Удачный псевдоним

- КАК вы теперь пишете?

- Только полудежа, на книге «12 подвигов Геракла», от руки, - так, как это было в первый раз. За столом и на компьютере - не могу.

- И как быстро получается книга?

- Дней за 45. По 15 страниц в день, причем у меня ограничен не нижний предел, а верхний - так я и 40 могу написать, но тогда у меня руку сведет и я ничего не успею сделать по дому.

- А вы не боитесь, что....

- Да, я понимаю, что однажды издательство может решить, что Донцовой стало слишком много.

- Тяжело ли было напечататься?

- Представьте, приходит в издательство дама, лысая, как бильярдный шарик, в беретке. Я как раз была после химиотерапии, у меня осталось две волосины, которыми я очень гордилась и все раскладывала их по лбу. Еще на мне было теплое пальто с мутоновым воротничком (мне все время было холодно), а на улице стояло начало сентября, жара. И вот эта безумная тетка с папкой под мышкой налетает в коридоре на главного редактора и блеет: «Я написала детектив». Он посмотрел на меня сверху вниз и голосом педагога, кото-

рый разговаривает с ребенком-дауном, произнес: «Очень хорошо! Отнесите в такой-то кабинет». Я вышла, села на троллейбусной остановке и заплакала: ну, конечно, они приняли меня за сумасшедшую. И что вы думаете? Они прочли детектив безумной тетки и спросили, есть ли у меня второй...

- То есть жизнь у вас поменялась в одночасье?

- Именно. Я ложилась в больницу очень больной женщиной, которая твердо знала, что жить ей осталось месяцев пять, не больше. А в тот день, когда мне позвонили из издательства, секретарь сказала: «У вас на рукописи написано «Агриппина Донцова». Это не очень удачный псевдоним». «Но это мое родное имя!» - ответила я. После минуты замешательства девушка продолжила: «Все равно не будет смотреться на обложке. Давайте сделаем вас Дашей». И все. Знаете, как это у колдунов бывает, когда дают новое имя? Все понеслось совершенно удивительно! Я пошла к врачу, и он сказал, что онкологии у меня нет. Я поменялась полностью! Если Груня Васильева любила лечь спать в два ночи и встать в восемь было для нее трагедией, трескала колбасу, сладкое, пила кофе, то Даша Донцова может лечь в девять и встать в семь, терпеть не может торт.

- К ясновидящим, экстрасенсам не было желания обратиться?

- Я во все это не верю, всегда над ними насмехаюсь. Но была одна история: когда я работала в Сирии - это было почти тридцать лет назад, - мы с одним журналистом-международником пошли к гадалке. Та не захотела гадать ему, а мне нагадала, что у меня родится дочь, что в 45 лет я сильно заболею, но не умру. Первую половину своей жизни я проведу в бедности, а вторую буду вполне состоятельной женщиной. При чем богатство ко мне придет от правой руки. Подумала, что, раз правая рука, то кольцо. Замуж удачно выйду. Не поверила, конечно. Эту историю рассказывала, как хохму, подругам на протяжении всей своей жизни. Какая дочь, когда у меня маленький сын без алиментов? А тот журналист заплатил гадалке 100 долларов - феерическую для нее сумму, и та сообщила, что он умрет в 52 года (а было ему 50). Через два года он уехал в Афганистан и вернулся со страшной желудочной инфекцией... Про себя же я не верила - даже когда у меня родилась Маша. Но заболела раком именно в 45...

- Что меняется во взгляде на мир, на себя, когда находишься между жизнью и смертью?

- Не верьте тем людям, которые говорят, что они не боятся смерти. Это животный какой-то страх: как же так, весь мир останется, а тебя не будет? Я не верю ни в рай, ни в ад, ни в энергетические перевоплощения. Знаю только одно: меня или сожгут, или закопают. Я исчезну как личность, и это меня безумно пугало. С другой стороны, меня посещали отвратительные мысли: а что же я сделала хорошего? Того обидела, с мамой не договорила, с ребенком не досидела... Да и не пожила еще! Это по паспорту мне 49, а в душе - то мне 18!

- Вы как-то переосмыслили жизнь, поняли, что то, что раньше казалось важным, - мелочи?

- Я раньше была совершенно психопатической хозяйкой. Такой, знаете, которые мужу рубашки не только гладят, но и крахмалят. Обед из четырех блюд, ужин из двух, с утра - на рынок, чтобы семья поела свежих сырников, ботиночки в прихожей - строго в ряд. А когда появились книжки, у меня это само собой отпало, мне гораздо интереснее с моей героиней. Нет, я не стала грязнулей, но теперь мои родные отлично едят сосиски.

Чисто женская ирония

- ВЫ пишете в жанре «иронического детектива», и вас сравнивают с Иоанной Хмелевской...

- Для меня это комплимент. В чем то мы, конечно, похожи - в ироническом отношении к себе, к окружающим.

- Почему иронические детективы пишут только женщины?

- А мужчинам вообще не свойственно относиться к себе с иронией. Дама спокойно скажет: «Я не умею водить машину». Представьте себе мужика, который так говорит! Если в метро я вижу лицо мужского пола, читающего мою книгу, то она непременно обернута в непрозрачную обложку. Стыдно сознаться, что он подсел на «дамские детективчики».

- Насколько серьезно вы относитесь к тому, что пишете?

- Я не Достоевский и не Кастанеда. У меня нет для этого таланта, ума и соответствующего восприятия жизни. Я пишу сказки для взрослых. Но после них хорошее настроение и нет дурного послевкусия. Это не та литература, которая будет жить в веках. И я никогда не собиралась попасть на скрижали мировой истории как великий писатель.

Елена СЕМЕНОВА - АНДРИЕВСКАЯ

Измененное сознание

- ГЕРОИНЯ ваших книг Даша Васильева - женщина состоятельная, но богатство свалилось ей с неба в виде наследства. Вы сознательно решили так... придумать?

- Сейчас скажу вам жуткую вещь, мне вообще никто не верит. Я ничего не придумываю, ничего нарочно и специально не выстраиваю. Это произошло, когда я после операции с четырьмя наркозами восстала из мертвых в реанимации. Состояние такое, знаете, плывущее. И еще неделю приходится ждать, что тебе доктор скажет. Доктор глаза отводит. И родных к тебе не пускают, они стоят за стеклом, и у них слезы текут. И ты понимаешь, что все очень плохо, просто хуже быть не может - и это, мягко говоря, действует на нервы. Наконец пустили мужа, а он у меня профессиональный психолог: «Ну и что ты тут валяешься, как мясо в тряпках? Ты всю жизнь стонала, что тебе писать не дают? Вот тебе ручка, бумага - пиши. Ты, по крайней мере, не будешь видеть этих аппаратов, медсестер, доктора». А как это - пиши? О чем? Я выпросила у сестры подушку (их там не дают), изловчилась, села на этой железной кровати, причем из меня постоянно вываливались иглы капельниц - медсестра очень ругалась, и... Я просто увидела видеоряд. Даму лет сорока, блондинку. Она шла к своей машине и как будто кому-то рассказывала о себе. Причем на первых четырех книгах я не умела этот видеоряд останавливать. Кино несется, я записываю, как будто сижу внутри главной героини.

- Поэтому у вас в книгах обычно только одно время?

- Я смотрю ее глазами и вижу только то, что она: трещины на стенах, перегоревшую лампочку в подъезде, ее собак. Доходит до смешного: если она

Донцова-Агриппина

08.07